

Мякушин Николай Григорьевич

**Отдельная уральская казачья
сотня в рядах действующей
армии на европейском театре
войны в 1877 и 1878 годах**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Н63

Н63 **Николай Григорьевич М.**
Отдельная уральская казачья сотня в рядах действующей армии на европейском театре войны в 1877 и 1878 годах / Мякушин Николай Григорьевич – М.: Книга по Требованию, 2022. – 64 с.

ISBN 978-5-519-98421-8

ISBN 978-5-519-98421-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

и разставилъ туры и усиленно началъ окапываться въ ложементѣхъ.

Сильный и мѣткій огонь изъ нашихъ ложементовъ наносилъ огромный вредъ туркамъ, но они съ поразительнымъ упорствомъ и храбростью держались на скалахъ Св. Николая и постепенно прибавляли сюда все новыя, свѣжія войска. Ихъ собралось здѣсь уже болѣе десяти ротъ.

Съ такими значительными силами непріятель повелъ атаку и на другіе пункты нашей позиціи.

Къ 8 часамъ утра непріятельская атака, хотя съ большимъ урономъ съ нашей стороны, была отражена на всѣхъ пунктахъ, кромѣ скалы Св. Николая, на которой число турокъ все увеличивалось.

Первыя три наши нападенія, слѣланныя нѣсколькими ротами Житомирскаго и Воляпскаго полковъ, были отражены, и атакующія роты въ безпорядкѣ отступили, потерявъ нѣсколько сотъ человекъ убитыми и ранеными. Послѣ перваго штурма роты отходили назадъ, снова строились и снова поддерживали канонаду противъ горы, занятой турками. Нѣсколько разъ направлялъ въ бой штурмовыя колонны самъ генералъ Радецкій, находясь постоянно подъ сильнымъ огнемъ противника, но все безуспѣшно.

Послѣ каждой неудачи, онъ хладнокровно ободрялъ войска говоря: „Ничего, попробуемъ еще. Взять обратно гору необходимо, необходимо!“ — „Дайте людямъ отдохнуть и штурмуйте снова“, приказывалъ онъ начальникамъ.

Послѣ втораго неудачнаго штурма горы, въ войскахъ возникло сомнѣніе въ возможности отбить позицію у турокъ. Турки держались массою; окопы ихъ возвышались ежеминутно; огонь ихъ вырывалъ изъ нашего строя сотни людей. Роты, дѣйствовавшія противъ скалы сильно порѣдѣли и не въ силахъ были держаться. Сформированная новая штурмовая колонна, подъ командой командира Житомирскаго полка полковника Тяжельникова, была также отбита, и храбрый Тяжельниковъ, тяжело раненный, выбылъ изъ строя.

Генералъ Радецкій стоялъ на своемъ:

„Мы должны или отбить гору, или лечь здѣсь. Это ключъ ко всей позиціи. Я стану самъ во главѣ васъ въ крайнемъ случаѣ.

Именемъ Государя и военной чести—приказываю взять обратно гору, какія бы ни были жертвы!". Всѣ снова бросались по своимъ мѣстамъ, барабаны били штурмъ и утомленные житомирцы и волынцы шли опять на приступъ, подъ командой уже новаго начальника, полковника князи Хилкова, смѣнившаго полковника Тяжельникова. Горы опять огласились могучимъ „ура“, и, солдаты, карабкаясь, полезли на высоты.

Было двѣнадцать часовъ дня, когда, послѣ столькихъ неудачныхъ приступовъ, храбрыя войска наши ворвались—таки въ ложементы турокъ, сбили послѣднихъ, смяли въ кучу и погнали съ горы, съ остервенѣніемъ преслѣдуя ихъ въ догонку ружейными залпами и штыками. Турки, спасаясь отъ русскихъ штыковъ, прыгали со скалы и катились внизъ. Весь скатъ горы, почти сплошь былъ покрытъ непріятельскими трупами.

Вообще въ этотъ день непріятель дорого заплатилъ за временное владѣніе скалою Св. Николая.

Хотя и намъ дорого стоила эта атака, но за то этимъ молодецкимъ дѣломъ былъ окончательно отбитъ штурмъ турокъ.

Мы потеряли убитыми и ранеными 31 офицера и болѣе 1000 человекъ нижнихъ чиновъ. Непріятель понесъ гораздо большія потери; точную цифру опредѣлить не было возможности, но она была не менѣе 3000 человекъ.

Послѣ отраженія атаки 5 сентября, на Шипкѣ опять стало „все спокойно“, и шипкинскій отрядъ снова получилъ подтвержденіе главнокомандующаго удерживать свою позицію до тѣхъ поръ, пока не будетъ все покончено съ Плевной.

Послѣ этого началось знаменитое въ нашей военной исторіи „Шипкинское сидѣнье“, мѣтко охарактеризованное извѣстной картиной Верещагина подъ названіемъ „На Шипкѣ все спокойно“.

Памятникамъ упорныхъ Сулеймановскихъ атакъ на Шипкинскую позицію тогда же появилась одна безхитростная, солдатская пѣсенка, составленная участникомъ „Шипкинскаго сидѣнья“, унтеръ-офицеромъ 13-го стрѣлковаго батальона Антономъ Шмаковымъ *). Въ пѣсенкѣ этой Шмаковъ мѣтко и правдиво описалъ эти славные дни сидѣнья. Вотъ ея слова:

*) Журналъ „Чтеніе для солдатъ“ 1902 г. № 12, ст. 219—220.

Вспомнимъ, братцы, какъ стояли
Мы подъ Шинкой въ облакахъ:
Турки насъ атаковали,
Но остались въ дуракахъ.

Только утро разсвѣтаетъ,
Разнесетъ вокругъ туманъ,
И на Шинку наступаетъ
Вновь упорный Сулейманъ.

Сулеймановы аскеры
Крѣпко въ Шинку били лбомъ;
А мы били ихъ безъ мѣры
И прикладомъ и штыкомъ.

Сорокъ табаровъ свалили,
Навалили груды тѣлъ...
Поздно турки отступили:
Сулейманъ ихъ всѣхъ поддѣлъ.

Плохо было въ одну пору
Дрались турки жестоко
И какъ черти лѣзли въ гору,
Да взошли не высок^о.

Какъ стрѣлочки прискакали
На казачьихъ лошадяхъ,
Турки разомъ закричали
Свой „аманъ“ и свой „аллахъ!“

Вотъ была тогда потѣха:
Наши грянули „ура“!
Мигомъ турки побѣжали,
И досталась намъ гора.

Было, братцы, плоховато,
Да помиловалъ насъ Богъ...
Отъ разсвѣта до заката
Отдохнуть никто не могъ!

На крестъ пули и гранаты
День и ночь наъ головой
Холодъ, голодъ... Эхъ, ребята!
Будемъ тверды мы душой!

Разнесли-жъ мы эту сволочь,
Расщелкали всю орду!...
Это все, стрѣлочки, было
Въ семьдесятъ седьмомъ году!

ШИПКИНСКОЕ СИДѢНЬЕ.

Ужасная зимовка на Шипкѣ.

Съ одной стороны повсемѣстное усиленіе турецкихъ стрѣловъ, а съ другой—неудачный нашъ штурмъ Плевны 30 августа, оттягивали кампанію на долго, а вмѣстѣ съ тѣмъ и наше сидѣнье на Шипкѣ.

Въ виду этого приняты были мѣры къ усиленію нашихъ позицій на Шипкѣ и къ приспособленію ихъ для долгой, зимней стоянки, при суровой обстановкѣ, на высотѣ 4900 футовъ надъ уровнемъ моря.

Послѣ 5 сентября появился легкій морозецъ, предвѣстникъ осени, начавшейся густыми туманами и холодными дождями. Съ 11 сентября начались морозы посильнѣй, 14 выпалъ первый снѣгъ, и съ этого времени морозы не прекращались, а снѣгъ не сходилъ. Наступила, наконецъ, настоящая зима, съ ея глубокими снѣгами и суровыми морозами.

Съ наступленіемъ зимы особенно тяжело стало жить на Шипкинскомъ перевалѣ. Морозы въ концѣ октября уже доходили до 20 градусовъ, а съ половины ноября горы покрылись снѣгомъ почти до самаго спуска въ Габрово. Настала ужасная непогода. Шелъ въ перемежку то снѣгъ, то дождь, дулъ сильный, холодный вѣтеръ, подчасъ настоящій ураганъ.

Укрыться отъ непогоды было некуда, такъ какъ въ вырытыхъ землянкахъ было страшно сыро. Землянки были построены на глинистомъ грунтѣ, вслѣдствіе чего вода, отъ таявшаго на ихъ крышахъ снѣга скоплялась внутри нихъ. Отъ страшной сырости и недостатка дровъ въ землянкахъ не всегда можно было развести огонь, чтобы согрѣться и просушиться.

Вслѣдствіе этого люди почти все время не имѣли на себѣ ничего сухого и ни разу не могли порядкомъ отогрѣться и отдохнуть.

Солдаты ложились въ землянках не раздѣваясь, въ мокрой одеждѣ, прямо на сырую землю безъ всякой подстилки; въ довершеніе всего, отъ нечистоты у нихъ развелись міриады паразитовъ. Все всемя они были впроголодь, окруженные земляными мышами, которые лазили ночью по нимъ, поднимая пронзительный пискъ и драку изъ-за черствата сухаря, попадавагшагося въ карманѣ солдата.

Стали нуждаться въ рукавицахъ, брюшникахъ, нижнемъ бѣльѣ и обуви. Шинели до того истаскались, что походили на какое-то дырявое полотно, ноги у многихъ болѣли, волосы отросли, бороды тоже торчали какими-то клочьями; лица—не мытыя; кепи на головахъ представляли изъ себя какіе-то грязные колпаки. Голову солдаты обвязывали башлыкомъ и тряпками, съ головы до ногъ закутывались въ палаточный холстъ. На ногахъ—воловыя шкуры, перевязанныя бичевками; на бородѣ и усахъ торчатъ ледяныя сосульки, фizioномія закрыта,—только видны два глаза да багрово-красный носъ. Чудовищный костюмъ оборванныхъ солдатъ, вутаившихся отъ холода во все, что ни попало, дѣлалъ ихъ похожими на дикихъ обитателей крайняго сѣвера. Мокрая одежда при выходѣ изъ землянокъ обмерзала, такъ-что иногда свалившійся солдатъ безъ посторонней помощи не въ состояніи былъ подняться и съ трудомъ могъ распрягаться, чтобы удовлетворить естественнымъ потребностямъ.

Вслѣдствіе отмораживанія сильно стали пухнуть ноги; оттираніе спиртомъ мало помогало. Чтобы снять сапогъ съ опухшей ноги приходилось разрѣзать его въ подъемѣ. Все это расслабляло людей,—почти все страдали изнурительнымъ поносомъ. Число больныхъ съ каждымъ днемъ увеличивалось. Въ вѣкоторыхъ полкахъ заболѣвало въ одинъ день по сто человѣкъ.

Особенно тяжело было защитникамъ Шипки во время сильныхъ мятелей, которыя случались очень часто и преимущественно по ночамъ. Страшнымъ ураганомъ нерѣдко сбрасывало людей съ горы. Связаніе съ Габровомъ иногда совсѣмъ прерывалось, и находившіеся на перевалѣ были совершенно отрѣзаны отъ арміи. Большія массы снѣга кружились по долинѣ, образующей настоящій Шипкинскій перевалъ. Солдаты, проходившіе изъ одного ложемента въ другой, въ своей тяжелой, обмерзшей

одеждѣ, падая подѣ напоромѣ бури, не въ состояніи были подняться и ихѣ моментально заносило снѣгомѣ, а потомѣ приходилось долго отыскивать и оттапывать.

Ложементы всѣ занесло снѣгомѣ до верху. Ружья обледенѣли и скользили въ рукахѣ. Костровѣ невозможно было разводить. Солдаты сбивались въ кучки и, толкая другѣ друга, старались такимѣ образомѣ отогрѣться.

Не мудрено послѣ этого, что во время сильныхѣ морозовѣ и бурѣ бывали, на примѣръ, такіе случаи: стоитѣ часовой, прислонившись къ брустверу, стоитѣ недвижимо, какѣ-бы упорно смотреть куда-то. — „Проснись!“ — толкаетѣ его разводящій; во часовой падаетѣ отѣ толчка, какѣ спитѣ. Оказывается, что бѣдныя замерзѣ. Разѣ была найдена цѣлая траншея съ замерзшими солдатами, а въ одну ночь оказалось, что всю западную позицію Шипки защищало только девять живыхѣ солдатѣ, остальные замерзли.

Горячая пища готовилась на ротныхѣ кухняхѣ, далеко отѣ позицій, и во время мятели, свирѣпствовавшей дня по два, по три, доставка ее прекращалась. Чай и сахарѣ раздавались на руки, но за невозможностью развести въ мятель огонь, солдаты не могли приготовить кипятку. Такимѣ образомѣ сидѣвшимѣ въ страшную мятель и стужу въ ложементахѣ приходилось довольствоваться по нѣскольку дней чаркою водки и сухарями, при чемѣ, сухари, положенные въ мекрые ранцы, сырѣли, моели, прокисали, пахли кислотиною, а потомѣ обращались въ обледенелый кусокѣ.

Въ декабрѣ мѣсяцѣ погода стала еще хуже. Начались страшные морозы, а съ 7 по 15 декабря—въ особенности. Подѣля эта для войскѣ Шипкинскаго отряда была самая ужасная. При такомѣ повальномѣ заболѣваніи иногда некого было послать на аванпостную службу. Перевозка больныхѣ до Габрова также сдѣлалась почти невозможною: вся дорога была занесена снѣгомѣ; очищать было некому. Да и въ Габровѣ давно уже всѣ госпитали были переполнены больными. Подвижные лазареты тоже не принимали больныхѣ.

Изѣ всего ясно, сколько нравственной силы, энергіи и мужества нужно было нашему Шипкинскому отряду для пятимѣсячной

стоянки при такихъ адскихъ условіяхъ жизни и на такой не выгодной позиціи въ сравненіи съ врагомъ. Послѣ этого невольно приходится удивляться и нѣмѣть предъ многотерпѣніемъ и нечеловѣческой выносливостью русскаго солдата. Нужно замѣтить еще, что турки не всегда ограничивались одной бомбардировкой Шипкинскихъ позицій. Иногда они переходили въ наступленіе.

Такъ проходили на Шипкѣ дни за днями, недѣли за недѣлями, мѣсяцы за мѣсяцами, и конца этому не предвидилось. Долгая стоянка, какая бы то не была, вообще всегда утомляетъ, а нашему многострадальному Шипкинскому отряду приходилось, къ тому же, сидѣть уже пятый мѣсяцъ чуть ли не въ орлиныхъ гнѣздахъ въ царствѣ вьюгъ и морозовъ, и безпомощно умирать на этихъ не гостепріимныхъ высотахъ отъ страшнаго холода и отъ непрерывно сыпавшагося на нихъ града непріятельскихъ снарядовъ. Начиная отъ генерала и кончая послѣднимъ солдатомъ, всемъ здѣсь приходилось тяжело. Какъ кроты, люди зарывались въ землю. Днемъ не видѣли свѣта Божьяго и ночью не находили себѣ ни отдыха, ни покоя.

Прогрѣлъ сентябрь, октябрь, былъ уже на исходѣ ноябрь мѣсяцъ, а въ Шипкинскихъ позиціяхъ наши защитники продолжали еще сидѣть, претерпѣвая страданія отъ жестокихъ холодовъ и упрямнаго ненастья. „На Шипкѣ все спокойно“, доносилъ Ралецкій главнокомандующему, но, на самомъ дѣлѣ, опасности, тяготы и лишенія—были ужасны... Что вытерпѣвали тамъ наши войска за это время—знаеть только Богъ! Не даромъ геройскую оборону Шипкинскаго перевала сравниваютъ съ обороной Севастополя.

Вотъ небольшой переченьъ тѣхъ боевыхъ дней, которые занесены въ officialный отчетъ о мивувшей войнѣ.

Съ 9 по 16 августа—отраженіе турецкихъ попытокъ овладѣть переваломъ.

Съ 16 по 23 августа—восьмидневная артиллерійская и ружейная перестрѣлка.

Съ 24 августа по 1 сентября—восьмидневное бомбардированіе нашихъ позицій.

Съ 1 по 5 сентября—усиленное бомбардированіе горы Св. Николая.

5 сентября—отраженіе штурма горы Св. Николая арміей Сулеймана пашы.

Съ 9 по 14 сентября—бомбардированіе всѣхъ позицій.

20 сентября—усиленная ружейная перестрѣлка.

27 сентября—усиленное бомбардированіе всѣхъ позицій.

30 октября—отраженіе атаки турокъ.

9 ноября—отраженіе попытки штурма горы Св. Николая.

16 ноября—ружейная перестрѣлка.

11 декабря—усиленное бомбардированіе горы Св. Николая.

Съ 23 по 27 декабря—усиленное бомбардированіе всѣхъ нашихъ позицій.

28 декабря—день взятіе въ плѣнъ всей сорока тысячной арміи Весселя пашы.

Изъ этого краткаго перечня ясно видно, каковымъ спокойствіемъ наслаждались защитники Шипкинскаго перевала.

Наконецъ, изъ главной квартиры было прислано извѣстіе о взятіи, 28 ноября, Плевны и ослѣженіи всей сорокатисячной арміи Османа пашы, а Шипкинскіе герои все еще должны были томиться въ своихъ подземельяхъ и невидѣть этому исхода.

Собственно стоянка уральцевъ.

За всѣ эти пять мѣсяцевъ сидѣнья на Шипкѣ Уральская сотня, оставаясь сначала на пути къ Габрову, потомъ въ самомъ гор. Габровѣ и, наконецъ, въ д. Тополище (на Балканахъ, не далеко отъ Шипкинской позиціи), отправляла сторожевую и разъѣздную службу въ тылу Шипкинской позиціи, служа, такимъ образомъ, связью между войсками, находящимися на Шипкѣ и въ г. Габровѣ.

Находясь въ д. Тополище и въ г. Габровѣ, сотня не испытывала тѣхъ перепитій горячаго боя, какія пришлось вынести нашимъ славнымъ Шипкинскимъ защитникамъ, а также и не довелось ей и испытать тѣхъ жестокихъ морозовъ и страшной вьюги, которыя свирѣдствовали на высотѣ Шипки, а потому и убыли въ сотнѣ за это время почти не было.

Благопріятная, сравнительно, стоянка уральцевъ резко отличалась отъ всякихъ другихъ бивуачныхъ расположеній войскъ

благодаря, конечно, практической казаковъ, сотня всегда успѣвала выгодно устроиться, такъ что проходящія части завидовали ей.

Быстро, бывало, у офицеровъ и казаковъ появляются шалаши, или землянки съ печками и сидѣвьями. На счетъ же того, что бы „раздобыть“, то конечно, всякому извѣстно, какова на этотъ счетъ казачья сметка: мясо, куры, гуси, мѣстные плоды, ячмень сѣно, дрова всего вдоволь имѣлось у казаковъ. Недаромъ большинство проезжающихъ на Шинкинскую позицію и обратно въ г. Габрово, въ особенности въ холодное время, останавливались на бивуакѣ уральцевъ, гдѣ благодаря широкому гостепріимству командира сотни, войскового старшины Кирилова и услужливости его лихихъ казаковъ, была всегда возможность обогрѣться около ихъ костровъ, выпить добрый стаканъ болгарской „винки“, или очищенной „раки“ (водки), а иногда и коньяку, а также закусить тутъ-же поджареннымъ на вертелѣ горячимъ „шашлыкомъ“, или просто съѣсть кусокъ жаренаго или варенаго мяса, что, конечно, въ зимнее время въ дорогѣ служило большимъ благодѣяніемъ для проезжающаго.

Кто бывалъ у уральцевъ на „шашлыкахъ“, тотъ, конечно, помнитъ широкое гостепріимство и задушевно-товарищеское отношеніе, съ которыми они принимали у себя всѣхъ проезжающихъ.

Лошади сотни, столъ большею частью на коновязяхъ, подъ открытымъ небомъ, испытывали большія неудобства осенней и зимней непогоды, но для нихъ ничего нельзя было и придумать. Вотъ тутъ-то наши казаки и оцѣнили своихъ домашнихъ „маштаконъ“, достойныхъ представителей Уральскихъ степей.

Кормъ для лошадей обыкновенно доставлялся изъ г. Габрова, куда посылались сотенныя въючныя лошади, и привозился сразу на нѣсколько дней изъ имѣвшихся тамъ складовъ, преимущественно ячмень; за сѣномъ же наряжались особыя команды, отправлявшіяся въ горы, или въ долину за Габрово, иногда верстъ за 10—20 и болѣе.

Что же касается теплой одежды, то, благодаря особой заботливости генерала Радецкаго, еще въ началѣ ноября были присланы для всѣхъ казаковъ сотни полушубки и фуфайки. Но особенно дорого было вниманіе Государыни Императрицы, когда Ею присланы были въ сотню во-время не только теплая платье, но

даже предметы роскоши, какъ-то: вино, одѣяла, шарфы, чай, сахаръ, папиросы, а казакамъ фуфайки, теплые носки, перчатки, платки и т. п.

Высланные же въ сотню теплые вещи, пожертвованные Уральскимъ обществомъ, были получены только 7 марта 1878 года, когда сотня находилась въ южномъ-тепломъ климатѣ, на берегу Мраморнаго моря; хотя въ тепломъ бѣлъ тогда всякая надобность миновалась, но за-то сапоги лвились болѣе, чѣмъ кстати. Обувь у казаковъ сильно изнашивалась, а достать ея у турокъ, и у болгаръ не представлялось возможности, потому что у всѣхъ Балканскихъ народовъ сапоги замѣняютъ самаго разнообразнаго фасона „туфли“ или просто болгарскіе „опанки“.

Вскорѣ послѣ паденія Плевны, на военномъ совѣтѣ при главной квартирѣ было рѣшено „немедленно идти за Балканы“. Во главѣ наступающихъ войскъ, былъ двинутъ особый отрядъ, названный Западнымъ, подъ начальствомъ генерала Гурко. Въ ожиданіи перехода Гурко черезъ Балканы—Шипкинскому отряду приходилось оставаться на мѣстѣ и ждать своего времени.

ЗИМНІЙ ПЕРЕХОДЪ ЧЕРЕЗЪ БАЛКАНЫ.

Переходъ прежде и въ послѣднюю войну

Переходъ черезъ великіе Балканы до кампаніи 1829 года считался невозможнымъ. Во всѣ войны Россіи съ Турціею, самыя дальнія вторженія въ предѣлы послѣдней, ограничивались или Дунаемъ, или обложеніемъ крѣпостей, или оперированіемъ на Софію.

Въ 1829 году войска графа Дибича подошли къ Балканамъ береговою дорогою и перешли ихъ черезъ Камчикъ на Кюпрекійю, Дульгеры къ Бургасу и на Софію, отъ Рихова и Врацы.

Во всѣхъ этихъ пунктахъ Балканы не представляютъ и сотой доли тѣхъ преградъ, которыя встрѣчаются на пространствахъ главнаго хребта, лежащаго къ сѣверу отъ долинъ Тунджи и Пюсса. Вся цѣль отъ Сливенъ до Софіи считалась непроходимымъ опло-